

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть наука *этимология* — это раздел языкознания, занимающийся историей слов. Есть наука *энтимология* — о жизни насекомых: жуков и бабочек. Науки «энтимологии» нет; это название придумали четверо бесшабашных студентов, сочиняя на потеху читателям свой шутейный словарь — список самых что ни на есть нормальных, обычных слов, но с заведомо неправильными, завиральными толкованиями. Если кого-то интересуют подробности этой истории, можно заглянуть в Послесловие.

Но человек, пытающийся ввести в язык новое слово или хотя бы новое значение старого слова, берет на себя огромную ответственность. Ведь он для всех говорящих на данном языке собирает в чем-то изменить языковую картину мира, принятый в обществе способ отражения действительности.

Об этом хорошо сказал наш современник Андрей Битов в одной из своих статей: «Пробиться в словарь — чрезвычайная честь, головокружительная карьера для нового понятия: словарь ревниво охраняет численность своего поголовья». Это хорошо понимают писатели. *Евгений Онегин* и *Пиковая дама*, *Ноздрев* и *Акакий Акакиевич*, *заячий тулупчик* и *шинель* стали **особыми** словами после творчества Пушкина и Гоголя. Да и сами имена *Пушкин* и *Гоголь* обогатили собой сокровищницу русского языка: до их творчества это были мало кому известные фамилии, а теперь они стали **словами**...

Уместно ли в этом ряду упоминать о каких-то «энтимологиях»? Уместно, потому что слово-уродец было придумано для явления, хорошо знакомого русскому народу. Тяга к словесной игре, к речевому балагурству заложена глубоко в народном сознании. Возьмите сборник «Пословицы и поговорки русского народа» Владимира Даля: каких только шуток, прибауток, рифмованных речений, народных афоризмов там не встретишь! *Не урод, так и красавец; Жена мужу пластырь, муж жене*

пастырь; Такое сено, что хоть попа корми; Не для чего иного, как прочего другого; Петька-петух на яйцах протух (дразнилка); Метил в ворону, а попал в корову; Он тоже не левой ногой сморкается...

И ведь не Даль это все выдумал, а русский народ! Выразительность, образность внутренне присущи речевому общению. Вообще считать, что человек использует язык для того, чтобы выражать свои мысли, — это сильное упрощение. Мысли-то мыслями, но говорящему надо еще, чтобы это было красиво! И интересно! Коммуникативная функция языка неотделима от эстетической.

В своем стремлении освоить словесное богатство, подчинить себе все названия, в том числе новые для себя, человек идет и на некоторые ухищрения. Вспомним классическую сцену из «Поднятой целины» Шолохова: дед Щукарь изучает толковый словарь русского языка. Сами слова в книге напечатаны крупно, а их толкования — мелким шрифтом. Глаза же у деда слабые. Вот Щукарь и **додумывает**: что бы значило то или иное слово. У него получается, например, что *акварель* это «хорошая девка», а *бордюр* — «вовсе даже наоборот, гулящая баба» и т.д. Ситуация, конечно, уникальная и анекдотическая. Но можно подвести под нее и некоторую теоретическую платформу.

У Александра Левина, современного поэта (а по совместительству и автора компьютерных учебников), есть стихотворение «Орфей», начинающееся такими строками:

Здесь чичажник и мантульник,
лопушаник и чиграк,
волчий локоть, загогульник,
самоед и буерак...

Нагромождение непонятных слов на протяжении всего стихотворения не случайно. Оказывается, для автора это как раз

повод ополчиться (в комментарии) на писателей, злоупотребляющих своими природоведческими (ботаническими, зоологическими) познаниями. Прочитую сей комментарий: «И вот начинается этот писатель сыпать названиями — всеми этими *чичажниками* и *мантульниками*, — а названия ну ровным счетом ничего не говорят ни уму ни сердцу читателя, не способного яшень отличить от вяза, а чистотел от болиголова. Проблема неразрешимая. Вот я и подумал, что названия для цветка, птицы, насекомого необязательно знать. Можно его придумать — лишь бы слово было похоже на то, что видишь».

Может быть, это — поэтический домысел? Да нет, художественная литература и в самом деле дает нам немало примеров того, как говорящий весьма вольно обращается со словом. Приведу несколько цитат.

В рассказе писательницы Тэффи «За стеной» одна дама так отзывается о благоухающем жилище другой: «К вам в комнату войдешь — как палкой по носу. И банки, и склянки, и флаконы, и одеколоны — настоящая обсерватория».

У М. Зощенко в рассказе «Нервные люди» инвалид Гаврилыч жалуется: ему «сейчас всю амбицию в кровь разбили. А ему, действительно, в эту минуту кто-то по морде съездил».

Персонаж повести В. Пьецуха «Потоп», парикмахер, привык складывать сдачу в жестяные банки. И далее — впечатления его любовницы: «Я сначала подумала, что, может быть, это такое сафари, и решила своего парикмахера испытать...»

В рассказе «Ничего особенного» В. Токаревой героиня признается, что любит своего мужа, хотя тот пьет. «Все остальные — амбалы рядом с ним». И на вопрос: «Амбал — это что?» — поясняет: «Не знаю. Сарай. Или плита бетонная...»

А в пьесе Ю. Полякова героиня говорит о своем муже: «Этот солидол мне надоел!»

Можно ли утверждать, что в приведенных цитатах слова *обсерватория*, *амбиция*, *сафари*, *амбал*, *солидол* значат то, что

они значат вообще в языке? Ничего подобного. На самом деле в языке «для всех» они имеют совершенно другие значения. Но, оказывается, человек считает себя вправе иногда **придавать** слову тот смысл, который ему кажется удобным, подходящим для данного момента. Конечно, эта свобода — ограниченная. Если б индивидуум придумывал для всех слов какие-то особые значения, его никто бы не смог понять. Замечательный русский языковед А.М. Пешковский писал так: «Мы не можем выдумывать своих звуков, своих слов, своих значений, потому что все это значило бы выдумывать свой язык, на котором ни с кем нельзя было бы объясняться» («Русский синтаксис в научном освещении»).

Причем обратим внимание: все эти *амбиция*, *сафари*, *солидол* и т.п., скажем так, — не самые частые слова, не самые употребительные в нашей речи. Большинству людей они, скорее, знакомы по внешней оболочке, чем привычны по значению. Для таких случаев придуман даже специальный термин: *агнони́мы*. Агнони́мы — слова, знакомые понаслышке, приблизительно, «в общих чертах». Тогда, может быть, все дело в недостаточной образованности носителей языка? Так думают многие. Обычный человек не может помнить все грамматические правила, не может знать значений всех слов.

В романе «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова введен такой поэт-халтурщик по имени Никифор Ляпис. У него в стихах *пеньюар* — это «бальное платье», волны «падают стремительным домкратом», а жокей «садится на облучок»... Не такая ли свобода именования привлекает поэта? Во всяком случае, у авторов-сатириков повествование в этом месте приобретает явно саркастическую окраску.

Но, положа руку на сердце, спросим себя: а так ли уж хорошо мы сегодня знаем, что такое *пеньюар* или *облучок*? Вот дети в нынешней школе чуть ли не поголовно убеждены, что название *спартакиада* происходит от слова *спорт* (и так и пишут:

«спортакиада»), а *ямицик* в их представлении — это тот, кто роет ямы... Ленинградский писатель В. Шефнер в автобиографической повести «Имя для птицы...» вспоминает свои детские впечатления от следующего стихотворения:

И занимают бивуаки
Доныне мирные поля,
И, как от бешеной собаки,
От вас избавится земля!

И далее — цитата: «Что такое “бивуаки”, я не знал, но я представил себе, что это такие рослые, отборные солдаты в какой-то особой, строгой форме. Они отовсюду выходят на поля...»

Ну шестилетнему мальчику это простительно. А если бы речь шла о взрослом человеке — вправе ли он давать волю своей фантазии там, где нужно просто заглянуть в толковый словарь? Значит, ни о какой игре, ни о какой свободе выбора тут не может быть и речи! Вывод напрашивается один: надо учиться, справляться в словарях о значениях слов, запоминать правила и орфограммы, повышать свой образовательный уровень!

Это все верно. То, что кругозор современного человека ограничивается рамками его специализации, прискорбно. И уровень языковой образованности (пусть — грамотности) общества оставляет желать лучшего. С этим тоже трудно спорить. Но перед нами только одна сторона проблемы. Вторая же сторона кроется в отношении человека к языку. Формируя свой психологический мир, очерчивая свое жизненное пространство, индивидуум готов использовать для этого любые средства. Он может вставить серьгу в ухо или сделать на руке татуировку в виде китайского иероглифа, а может постараться прослыть фантазером, сердцеедом, суперменом... Но так велик соблазн почувствовать себя личностью, властелином, творцом! Я не умею рисовать?

Ну так подрисую усы Крылову в школьной хрестоматии. Я не силен в науках? Зато любого знатока могу сбить с толку неожиданными вопросами (есть на эту тему прекрасный рассказ Василия Шукшина «Срезал»). Мне слон на ухо наступил? А на вечеринке под караоке спою, да еще как! На этом зиждется феномен массовой культуры — на представлении: «Я не хуже других, и мне все доступно!»

Лингвиста же человек интересует как носитель языка. И в языке открывается такой простор для фантазии, для игры, для самостоятельного творчества, какой вряд ли где еще возможен. А в качестве первой и наиболее общей предпосылки для этого творчества выступает несовершенство самого языка. Всегда находились люди, которые замечали те или иные лакуны (пропуски) в словарном составе и желали их восполнить новообразованиями, а те или иные нелогичности — устранить, исправить. В последние десятилетия к ряду таких радетелей примкнули знаменитый писатель А. Солженицын с его «Русским словарем языкового расширения» и называющий себя «лингвоинженером» М. Эпштейн с проектом «Дар слова». Лично я не очень верю, что получают права литературного гражданства лексемы вроде предлагаемых Солженицыным *гориголо* ‘торопыга’, *дряння* ‘мокропогодица зимой’, *ластушка* (приветливое обращение), *лунастый* ‘с глазами навывкате’, *перегрызуха* ‘перебранка’, *сноброд* ‘лунатик’ и т.п. Точно так же и новообразования, предлагаемые в проекте «Дар слова» — *лжизнь*, *любля*, *вездевочка*, *осебейщик*, *солночь*, *счастица*, — вряд ли выйдут за пределы авторских экспериментов. Но важно другое — мы видим, что общество не оставляет язык без внимания и не прекращает романтические (или утопические?) попытки целенаправленно на него воздействовать.

У языкового творчества есть и объективные предпосылки более частного характера. Например, такая: сколько слов знает, слышит, читает, употребляет за свою жизнь человек? Понятно,

что много: тысячи. А ведь в процессе речи он должен не только за малые доли секунды выбрать нужное слово, убедиться в его пригодности, но и связать его в уме с другими словами, которые в целом составят конкретную фразу. Все это было бы невозможно, если бы словарный запас не образовывал систему: каждое слово в нем связано многочисленными и многообразными связями с другими словами. Это как паутина: тронь ее в одном месте — и подрагивание волной пробежит по тончайшим нитям к другим узлам... Скажем, такие слова, как *рукав*, *рукоять*, *ручной*, *ручка*, *вручить*, *выручить*, *выручка*, *заручиться*, *поручки*, *поручительство*, *поручни*, *наручники* и многие другие (может быть, и *поручик*?), объединяются в «гнездо» с корнем *рук*. А *ткать*, *ткань*, *выткать*, *сотканный*, *ткачество*, *ткачиха* и т.д. объединяются идеей «ткачества», также поддерживаемой формальными — звуковыми и буквенными — соответствиями (добавлю, что исторически этот корень — тот же, что и в глаголе *тыкать*, и к нему же, что уж совсем неожиданно, восходит слово *текст*!). Благодаря подобным связям человек легче ориентируется в огромной массе слов.

Ну а если вдруг в речевом обиходе появляется какое-то название, лишенное таких связей? Возникает естественный соблазн привязать «безродное» слово к другой, уже освоенной единице. Нередко при этом приходится идти на какие-то жертвы — например, слегка «подправлять» слово.

Нагляднее всего это проявляется в речи маленьких детей. Ребенок каждый день сталкивается с десятками названий, которых он раньше никогда не слышал. Что такое *молоток*? Непонятно. Но ведь им *колотят*. Значит — *колоток*! Что такое *вазелин*? Неясно, но ведь им *мажут*. Значит — *мазелин*! Кто такой *милиционер*? Он ведь стоит *на улице*. Значит — *улицционер*! Почему говорят *экскаватор*? Надо — *пескаватор*, он же песок роет! Или девочка распутала клубок ниток и говорит: «Я такая распутница!» (пример из книги К. Чуковского «От двух до пяти»).

По мере взросления такие ошибочные толкования (их называют «детской этимологией») уходят в прошлое, и человек начинает понимать, что бывают слова с кучей «родственников», а бывают слова одинокие, «сироты», с другими словами не связанные.

Однако иногда эта «детская болезнь» проявляется и в зрелом возрасте. Человек, сталкиваясь с незнакомым словом (чаще всего — заимствованным из другого языка), пытается его осмыслить по собственному разумению, в меру своих познаний. И тогда возникает то, что лингвисты называют **народной** (или ложной) **этимологией**. Возьмем хотя бы названия одежды. *Пуловер* (от англ. pull over ‘тянуть вверх’) в речи кое-кого превращается в «полувер» (неясно, правда, причем тут «вер» — как в *малювер*, что ли? Но все равно стало роднее). *Пиджак* (от англ. pea-jacket ‘куртка, бушлат’) превращается в «спинжак»: родство со спиной все объясняет. *Штормовка* превращается в «штурмовку», *кроссовки* — в «красовки» (красивые они, ну что тут поделаешь!). Немудрено, что слова при этом могут искажаться, подгоняться под желаемый образец...

Вот как писал о подобных случаях известный французский лингвист Жозеф Вандриес в книге «Язык»: «Сознание стремится установить связи во внешней форме слов, часто даже вопреки здравому смыслу. Слабое звуковое сходство данного слова с употребительным и более известным словом ведет за собою сближение, результатом которого являются странные искажения слов».

Многие филологи относятся к феномену народной этимологии высокомерно и даже брезгливо — это, мол, всё от невежества, от малограмотности. Но, напомним, перед нами не намеренное «надругательство над словами», но результат стремления упрочить лексическую систему, а это вполне достойно уважения. И потом, хотим мы того или нет, но ложноэтимологические сближения — чрезвычайно распространены. Можно сказать, что они вездесущи. За обычной птичкой воробьем мы готовы признать в качестве отличительного признака его вороватость (хотя

на самом деле название *воробей* ни в каком родстве с *воровать* не состоит). Про медведя *грязли* мы почти ничего не знаем, но в том, что он что-то *грызет*, мы уверены. О художнике, произведения которого нам не нравятся, мы скажем иронически: «Художник от слова *худо*». Если кто-то к кому-то равнодушен, о нем в народе говорят: «неровно дышит». Журналисты любят обыгрывать связь между словами *кормило* и *кормить*: получается, что *кормило* (то есть руководство, правление) — *кормит*! А выражение *пойти насмарку* подсознательно связывается у нас с представлением о насморке, болезни...

Особенно активно используются созвучия слов в поэтических текстах. Вот как писал Валерий Брюсов:

Созвучья слова не случайны!
Пусть связь речений далека,
В ней неразгаданные тайны
Всегда живого языка...

Поэзия вообще в значительной степени строится на звуковых перекличках — ассонансах, аллитерациях, рифме и т.д. Мы с детства помним: «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (инструментовка на *у*) или «Где он, бронзы звон или гранита грань...» (переклички *из — зн, гр — гр*). Словесные созвучия достигают своего максимума в так называемой каламбурной рифме; пусть примером послужит цитата из того же В.Я. Брюсова:

Ты белых лебедей кормила,
Откинув тяжесть черных кос.
Я рядом плыл, сошлись кормила.
Закатный луч был странно кос.

Понятно: благодаря таким приемам стихи лучше запоминаются, их внутренняя организация приобретает дополнительную

глубину, а как результат — они сильнее воздействуют на нашу нервную систему.

Вообще игра со словом издавна была в традициях русской литературы, начиная от Н.С. Лескова и А.П. Чехова и кончая С. Довлатовым и Л. Петрушевской (не буду говорить о новейших авторах). Поиск дополнительных связей между словами, испытание слова «на прочность», проверка реакции собеседника (и читателя) — все это обогащает творческую палитру писателя. Так, М. Горький время от времени вкладывает в уста своих персонажей попытки народной этимологии. Вот, например, хозяин ночлежки Костылев размышляет:

— Что такое странник? — Станный человек... непохожий на других... («На дне»).

А дворник Тихон в повести «Дело Артамоновых» философствует:

— Скука — от людей; скучатся они в кучу, и начинается скука.

Конечно, что обе связи — и связь *странник* — *странный*, и *скука* — *скучиться* — навеяны случайным формальным сходством слов, и образованный человек на них бы «не повелся». Но для писателя это — возможность дополнительно охарактеризовать своего героя.

Не упускает своего и торговая реклама. Приведу несколько свежих примеров. Гипермаркет называется «ГИППО», а если кто-то не сразу включился, то рядом помещено изображение гиппопотама (звуковая переключка *гипермаркет* — *гиппопотам*). Московская фирма, торгующая чаем и кофе, взяла себе в словесные патроны знаменитого композитора: фирма называется «Чайкофский» (переключка: *чай*, *кофе* — *Чайковский*). «Выиграй тур в Турцию!» — предлагает плакат туристической фирмы (*тур* — *Турция*). «Поедем поедим!» — взывает слоган сети «Макдоналдс». «Самый сумчатый магазин» — это реклама магазина сумок «Кенгуру» (*сумка* — *сумчатый*). «Сильный

пол» — так выглядит название салона напольных покрытий (представление о прочном паркете или ламинате накладывается на фразеологическое сочетание *сильный пол* — о мужчинах). А магазин, в котором продаются инструменты и строительные материалы, остроумно назвали «Переделкино» (вообще-то *Переделкино* — название знаменитого поселка под Москвой, в котором жили писатели). Понятно: во всех этих и подобных случаях в одном контексте сталкиваются разные слова, похожие по своему звучанию, — и это создает особый эстетический эффект.

Похожие слова регулярно смешиваются и в шутках и анекдотах. Так, нередко обыгрывается формальное сходство между названиями *ветеран* и *ветеринар*, *аксакал* и *саксаул*, *героин* и *героиня*, *полиглот* и *троглодит* и т.п. Приведу только один пример.

Две соседки встречаются у подъезда. Одна из них зовет к себе в гости другую. Та интересуется:

— А твой сифилитик дома?

— Во-первых, он в клуб ушел. А во-вторых, сколько раз тебе говорить: не сифилитик, а филателист!

Популярны в народе шутки, основанные на сложении, объединении слов. Когда-то Льюис Кэрролл, автор знаменитой «Алисы в стране чудес», назвал такие образования словами-чемоданами (они как бы раскладываются на две части). Примеры типа *бутылброд*, *прихватизация*, *дерьмократы*, *думаки* уже получили широкую известность; гибриды вроде *абсурдоперевод*, *грудолобивый*, *стеклопаскуда*, *порнокопытные*, *нагло-русский словарь*, *рахитектурный ансамбль*, *колесо оборзения* и т.п. косятся по юмористическим страницам газет и журналов. Я уж не говорю о других видах популярных языковых забав — шарадах и анаграммах, игре в «испорченный телефон» или в «Почему не говорят?» и т.д. — все это своего рода отдушины для речевого творчества носителя языка.

А вот о чем следовало бы сказать особо — это о жаргонных наименованиях. Очень многие жаргонные слова — переименованные «чужие» названия, основанные опять-таки на формальном сходстве. Скажем, в школьном сленге *удочка* — это ‘оценка «удовлетворительно»’, *шпора* — ‘шпаргалка’, *пешика* — ‘учительница пения’, *контрабанда* — ‘контрольная’ и т.д. Широко известны такие жаргонизмы, как *фанера* ‘фонограмма’, *шампунь* ‘шампанское’, *совок* ‘Советский Союз’ или ‘советский гражданин’, *сухарь* ‘сухое вино’, *мерин* ‘мерседес’, *лимон* ‘миллион’, *устаканиться* ‘устояться, установиться’ и т.п. Можно заметить, что жаргонизм, как правило, короче, лаконичнее своего «правильного» соответствия, но главное не в этом, а в том, что менее известное, менее привычное явление как бы зашифровывается через более близкое, свое, «домашнее». Особенно наглядно это проявляется на материале компьютерного жаргона, в котором английские термины «переодеваются» в родную русскую одежду: *shareware* ‘программное обеспечение’ становится *шароварами*, *device* ‘устройство’ — *девицей*, *plotter* ‘графопостроитель’ — *полотером*, *sources* ‘источники, исходные коды’ — *сырцами*, *button* ‘кнопка, клавиша’ — *батоном*, *Pentium* — *пентюхом*, *e-mail* — *мылом* и т.д.

Даже кроссворд, жанр довольно строгий по своим правилам, в последнее время подвергся «нашествию» языковой игры. Наряду со строгими «терминологическими» описаниями значений появились толкования замаскированные, шуточные, приближенные (на что часто указывает употребление кавычек). Скажем, в «Комсомольской правде» регулярно публикуются кроссворды от Олега Васильева, в которых встречаются, в частности, такие толкования: «выдвиженец» из комода (ответ — *ящик*), морская «неустойка» (ответ — *качка*), «проходная» на болоте (ответ — *гать*), ресторанный «чаевник» (ответ — *официант*), конфетные «разносолы» (ответ — *ассорти*) и т.п. Понятно, что слова *выдвиженец*, *неустойка*, *проходная*, *чаевник*, *разносолы*

использованы здесь скорее как намеки, как отсылки к другим, однокоренным или просто похожим, словам: *выдвигать*, *неустойчивый*, *проход*, *чаевые*, *разный*.

В чем же корни этого торжества формальных связей, этой эпидемии языковой игры, которую мы сегодня наблюдаем вокруг нас? По-видимому, объективные предпосылки ее заложены в самой природе языка. Можно сказать, что человек подсознательно «идеализирует» язык, относится к нему лучше, чем тот на самом деле устроен. Ему, человеку, хотелось бы, чтобы за одной формой всегда скрывалось одно и то же значение. А язык устроен намного сложнее, если угодно — «неправильнее». Здесь сплошь и рядом за одной и той же формой кроется разное содержание, а одно и то же значение, наоборот, выражается разными формальными средствами. Вот это и создает основания для многообразной языковой игры. Игра же, по словам голландского ученого Й. Хейзинги, «творит порядок, она есть порядок». Словесная шутка в чем-то «выправляет», выпрямляет языковую реальность. И степень речевой раскованности говорящего, его свободы по отношению к именам предметов о многом говорит!

Вообще в последнее время люди стали относиться к игре с большей серьезностью. Может быть, сыграло свою роль метафорическое распространение слова *игра*: играют теперь и на бирже (ворочая миллионами) и в офисе (участвуя в деловых играх)... А может быть, изменилось само понимание данного феномена. Недаром такую популярность получили книги американского психотерапевта Эрика Берна; в русском переводе они называются «Игры, в которые играют люди» и «Люди, которые играют в игры».

Философы, психологи, культурологи утверждают: игра вообще и языковая игра в частности — извечное и неотъемлемое свойство человека как такового. Только излюбленные приемы словесных шуток у разных народов и в разные времена могли

быть разные. В частности, Данута Буттлер, автор книги «Polski dowcip językowy» («Польский языковой юмор»), вышедшей первым изданием в 1968 году, замечала, что шутки, основанные на переосмыслении слова, уже исчерпали себя и выходят из употребления; чисто формальные ассоциации между словами раздражают своей примитивностью. Она, конечно, имела в виду польский язык.

А как обстоит дело у нас в русском языке? Интерес в этом плане представляет российская послеперестроечная действительность. С одной стороны, мы наблюдаем здесь непривычную для нас ранее степень речевой раскованности. Когда это в печатных изданиях, в художественной литературе, в рекламе допускалась такая масса каламбуров, намеков, сознательных сближений и искажений слов! С другой стороны, снятие цензурных запретов обнаружило и то, что у многих журналистов и общественных деятелей не хватает вкуса, а то и просто отсутствуют навыки грамотной речи. Даже у известных политиков вырываются высказывания, которые попадают в собрания крылатых выражений не в силу своей «мудрости», а в силу нелогичности. Примерами могут служить: «Хотели как лучше, а получилось как всегда» или «Мой папа юрист, а мама — русская».

Но одновременно это подогревает интерес к языку как средству массовой информации. На телевидении и радио активизировались передачи, нацеленные на повышение культуры речи. Журналы реанимировали рубрики «Нарочно не придумаешь» и «Что написано пером...». Проводятся — и у нас в стране, и за рубежом — специальные конференции, посвященные «неканоническому» использованию языка. Появились первые монографии, посвященные языковой игре в русском языке. Назову здесь только несколько книг: Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры (М., 2002), Норман Б.Ю. Игра на гранях языка (М., 2006), Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы (М., 2009), Гриди-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru